

С.С. Кутателадзе

Судьба и дело ученых России

С.С. Кутателадзе*

В стране вновь звучат инвективы в адрес российской науки. Несутся филиппики по поводу низких импакт-факторов отечественных журналов, популяризируется чиновничий подход к оценке труда ученого по библиометрии его публикаций, льются крокодиловы слезы о малом цитировании отечественных работ. Вновь русских ученых призывают писать свои статьи на английском языке и посылать их в иностранные журналы. Вновь муссируются тезисы о реформировании образования на какой-нибудь заграничный манер и об усекновении Российской академии наук в стиле ее западных тезок. Дело публицистикой не ограничивается, реформаторство обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.

С непониманием можно бороться только путем разъяснений. Наука не кунсткамера и не достопримечательность для туристов. Наука – это прежде всего система знаний, представлений и умений. В этом качестве наука границ не знает. Но наука наших дней – социальный институт, неразрывно связанный с образованием. И в этом качестве наука национальна. Объем научных знаний колоссален и постоянно растет. Первостепенная задача отечественной науки и образования – информационная безопасность страны в сфере знаний. Попросту говоря, в стране должны быть люди, компетентные во всех разделах науки и техники. Научные знания необходимы населению и, стало быть, наука и образование в России обязаны функционировать на русском языке.

Получение премий, свершение открытий, международное признание вещи приятные, но далеко не первостепенные. Конечно, овладение передовыми научными знаниями и технологиями без собственного творческого поиска крайне затруднено. Однако лидерство в мировой науке по нобелевским премиям и числу статей

на единицу бюджетных затрат или благоприятная демографическая кадровая структура не являются жизненными приоритетами для страны. Совершенно бессмысленна гонка за цифровыми показателями типа импакт-факторов. Индексы цитирования Эйлера в разы превышают показатели Ломоносова, что никак не меняет выдающейся роли каждого из них в культуре России. Злобная байка о запрете Гаусса и поносе Коши не отражает величия этих гигантов науки. Ровно так же небольшой индекс Хирша никак не умаляет Гёделя в сравнении с любым логиком наших дней.

Для страны катастрофична потеря профессионализма в науке и образовании. Никакие мегагранты и заезжие знаменитости, никакие вливания больших денег в посредственные учреждения ни йоты профессионализма не добавляют. Научная компетентность не предмет гонки за миражами престижа, а *sine qua non* существования страны. Профессионализм – таинство научной школы, передаваемое от учителя к ученику. Школы создаются десятилетиями, существуют благодаря своим лидерам и исчезают вместе с ними. Без лидеров школ нет, но ни по приказу, ни за деньги лидерство не передается. Школы в науке – феномен хрупкий и бюрократии неподвластный. Троекуровщина, любезная лакейской душе, и реформаторство, стекающее по властной вертикали, разрушают научные и научно-педагогические школы России.

Русский язык стал в XX веке великим диалектом науки. Дискриминация публикаций на русском языке – вещь вредная не только для отечественной, но и для мировой науки. Мышление осуществляется в языке. Можно сказать, что язык – катализатор науки. История показала, что иероглифическая передача знаний веками проигрывала письму буквенному. Нет никаких

*Кутателадзе С.С. — д. ф.-м. н., профессор Института математики им. С.Л. Соболева (г. Новосибирск).

оснований считать, что расцвет науки в СССР не был связан с опорой на русский язык. Импаکت-факторы ведущих научных журналов Академии наук сегодня выше, чем в советский период. Между тем совсем не похоже, что удельный вклад ученых России в мировую науку наших дней хоть как-то вырос.

Разруха в науке и образовании в России коррелирует с победами волюнтаризма над демократией, обскурантизма над просвещением, злобы над толерантностью и с прочими цветочками общей деградации культурной и политической жизни страны.

Колоссальный вред России приносит практическое исчезновение переводной научной литературы. Наши студенты учатся по старым учебникам и видят в университетских библиотеках иностранные учебники сорокалетней давности. Разрушение системы высшего образования в России прямо связано с порочной ориентацией на сворачивание научных публикаций на русском языке. Верхом позора для России стали провалы в самолетостроении и космической отрасли. Нельзя не видеть, что стимулятор многих неудач – отсутствие внятной информационной политики и фактическое сведение на нет проекта ВИНТИ, сопоставимого по своему значению с запуском первого искусственного спутника Земли и созданием Сибирского отделения Академии наук.

В глазах общества состояние науки и образования в стране – дело ученых России. Ссылки на собственную беспомощность, на козни министерств, законодателей и прочего начальства не бессмысленны, но для общества неубедительны. Консерваторы от науки педалируют недостаточность финансирования, скрывая боязнь каких-либо перемен и «послепотопную» психологию мадам Помпадур. Реформаторы пропагандируют отказ от отечественного опыта, пряча за этим убожество собственных идей и дефицит авторитета в российской научной среде. Консерваторы и реформаторы в чистом виде практически не встречаются. В каждом ученом сосуществуют мемы консерватизма и реформаторства, гнездятся вирусы сервильности и смирения. Стереотипы мышления поиску истины, конечно, не способствуют. Однако ученые люди специально обучены в сложных вещах разбираться. Только люди рожают геростратов и только люди их могут остановить. Ум предполагает самокритичность, а совесть – личную ответственность. Грех пренебрегать собственными знаниями, совестью и умом.

Ученые России – жрецы культуры, ответственные за благоденствие науки и образования на русском языке. Наука в России – их дело и их судьба.

